

Россия – лишь один из отсеков космического корабля по имени Земля

Анатолий Вишневский

Истории было угодно, чтобы человечество подошло к рубежу второго и третьего тысячелетий с небывалым грузом демографических проблем. Главная из них – это невероятно быстрый, никогда прежде не встречавшийся рост мирового населения, а вместе с ним и демографической нагрузки на ограниченные ресурсы, на все системы жизнеобеспечения необыкновенного космического корабля по имени Земля.

Давно просчитано, что рост населения прекратится примерно к середине нынешнего столетия. Но к этому времени на планете будет 8, 10 или 12 миллиардов землян (есть разные варианты расчетов) - при том, что еще 150 лет назад на Земле жило менее 1 миллиарда человек, и это был итог нескольких десятков тысячелетий человеческой истории. И никто не может сказать, как это огромное население через 50 или через 100 лет справится с острейшим дефицитом сельскохозяйственных земель и пресной воды, с оскудением доступных сырьевых и энергетических ресурсов, с загрязнением Мирового океана, озоновой дырой, парниковым эффектом, со стремительным нарушением привычного демографического, а значит и геополитического баланса планеты, угрозами атомной войны или международного терроризма.

Распространившееся со скоростью лесного пожара журналистское клише: «после 11 сентября 2001 года мир стал другим» способно вызвать у демографа лишь горькую усмешку. Мир стремительно становился другим на протяжении всей второй половины XX века, с каждым днем приближая события того вторника – страшные, но – увы! – скорее всего не последние в начатом ими ряду. Да мы еще и способствовали этому, несмотря на все предостережения. Специалисты довольно рано распознали опасность надвигающегося демографического взрыва и стали думать над тем, как если не предотвратить, то ослабить его, приблизить его окончание. Но тогда же появились и радетели «невмешательства», и это были, конечно, мы.

Вот как описывал события той давней поры знаменитый французский демограф Альфред Сови. «В феврале 1947 года двенадцать человек из двенадцати стран собрались в Нью-Йорке, в ООН, чтобы основать Комиссию по народонаселению... После первых же реплик, возможно, после нескольких смутных словесных намеков, резко выступил делегат Украины... «Мы не

допустим, чтобы в этих стенах кто-нибудь мог говорить об ограничении браков или рождений в браке. Все предложения на этот счет следует рассматривать как варварские». Делегат Югославии, тогда послушной, высказался подобным же образом. «Вы, капиталисты, хотите приспособить население к экономике; мы, напротив, хотим приспособить экономику к населению. Мы выступаем за людей, вы – за деньги». В последующем эта ортодоксальная позиция еще усилилась. Советский подход получил неограниченную поддержку католической церкви»¹.

Я вспоминаю международный демографический семинар, проводившийся ООН в конце 60-х в Киеве, где я тогда работал, и его китайских участников, с упоением цитировавших статью Ленина «Рабочий класс и неомальтузианство» - о том, что «мы безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки». «Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение... самому передовому классу современного общества»², - распевали представители самой большой в мире крестьянской страны. Мы во многом тогда не сходились с китайцами, но это нам было по душе, мы размахивали теми же самыми цитатами.

Сами китайцы, впрочем, вскоре опомнились, хотя время было уже упущено. Между 1950 и 1985 годами население Китая удвоилось и перевалило за 1 миллиард человек – то-то нам радость. Мы же по-прежнему продолжали долдонить, что нарастающая угроза глобальной экономической, экологической или военной катастрофы – не более, чем выдумка мальтузианства – «составного элемента идеологической доктрины империализма»³, не думая о том, что помогаем наполнять пороховую бочку, на которой нам же и сидеть потом бесконечно – или до тех пор, пока не рванет.

Даже и теперь, когда недавние катастрофические сценарии будущего становятся реальностями настоящего, то там, то здесь слышны отголоски советской «антимальтузианской» риторики. Опасности глобального перенаселения пренебрежительно называют «демографическими страшилками»⁴; утверждается, что «панические прогнозы футурологов о грозящем глобальном перенаселении, как правило, преувеличены»⁵ и т. д. Эти утверждения исходят

¹ Alfred Sauvy. Malthus et les deux Marx. Paris, Denoël, 1963, p. 140-141.

² В.И. Ленин. Рабочий класс и неомальтузианство.

³ Демографический энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1985, с. 237.

⁴ А.Н. Антонов, С.А. Сорокин. Судьба семьи в России XXI века. М., «Грааль», 2000, с. 42.

⁵ И.Б. Орлова. Демографическое благополучие России. М., Межрегиональная общественная организация содействия демократическим реформам «Мобилизация и развитие», 2001, с. 16.

обычно от неспециалистов, занимающихся не «рутинным» анализом демографических процессов, а морализированием по поводу них и выстраиванием далеких от науки идеологических конструкций.

Конечно, в мире есть немало людей, которые трезво осознают сгустившиеся над миром опасности, отчаянно ищут путей преодоления обостряющегося глобального кризиса – новых технологий, нетрадиционных источников энергии и т.д. Однако при этом любой здравомыслящий человек понимает: чтобы добиться успеха на этих путях, нужно много денег и много времени. А того и другого катастрофически не хватает. И даже самые большие оптимисты, свято верящие в безграничные возможности науки и техники, не могут не понимать, что решение всех глобальных задач, если оно вообще возможно, было бы чрезвычайно облегчено встречным демографическим движением, то есть как можно более скорым завершением планетарного демографического взрыва и последующим сокращением мирового населения.

Есть только два пути, ведущие к этому результату: путь повышения смертности и путь сокращения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства (для всего мира и на достаточно долгий период).

Первый путь – обычный в мире животных – означал бы, что человеческая цивилизация не нашла выхода из тупика, созданного вышедшим из-под контроля ростом населения, и подошла к роковой черте, за которой люди утрачивают эффективный контроль над факторами смертности – одно из главных гуманистических достижений Нового времени. Некоторые признаки такого развития событий налицо. Это и эпидемии неизвестных ранее и пока не поддающихся лечению болезней (СПИД), и возрастающая устойчивость старых болезней, и учащающиеся стихийные бедствия, и техногенные катастрофы, и военные или террористические угрозы, в том числе угрозы биотерроризма, реализация которых способна привести к гибели огромных людских масс.

Такому развитию событий и противостоит второй путь, проложенный странами европейской цивилизации и охваченный разномастными борцами с «мальтузианством» – путь снижения рождаемости. Именно потому, что приходится выбирать между угрозой резких подъемов смертности уже родившихся и отказом от части рождений, снижение рождаемости ниже уровня простого замещения поколений в глобальных масштабах сегодня – это благо, это то, к чему следует всеми силами стремиться. И, как оказывается, человечество

давно уже вступило на этот путь, получивший название «демографического перехода».

Демографический переход, то есть переход от прежнего баланса высокой смертности и высокой рождаемости к новому балансу низкой смертности и низкой рождаемости – одна из величайших социальных инноваций, которыми человечество обязано западной цивилизации. Именно эта цивилизация создала социальные, экономические, научно-технические механизмы снижения смертности, которые были освоены и продолжают осваиваться всем миром (одно из главных проявлений глобализации). Она же стала пионером создания совершенно новых механизмов массового социального контроля рождаемости, которые позволили адаптировать «прокреативное», то есть связанное с рождаемостью поведение людей к новым условиям смертности.

К сожалению, мир все-таки не совершенен, и не все то, что есть благо на весах вечности, есть благо здесь и сейчас. Как и все на свете, предложенный европейцами и, в конечном счете, неизбежный, необходимый путь глобального демографического перехода исполнен противоречий. Начать с того, что демографический взрыв происходит в развивающихся странах, а рождаемость падает в странах развитых. Это кажется парадоксальным, представляется каким-то извращением западной цивилизации. Но может быть не следует спешить с оценками...

Охотно следуя западному опыту борьбы со смертностью, развивающиеся общества, на свою беду, не могут столь же быстро воспринять новых механизмов социального контроля рождаемости. Нет сомнения, что это – только задержка в неизбежном историческом движении, что иного пути у них нет и что, пережив губительный для себя период отторжения «западных» форм демографического поведения, они, в конце концов, последуют – и уже следуют – именно по проторенному Западом пути. А если это так, то низкая европейская рождаемость –вовсе не свидетельство упадка и кризиса западной цивилизации, как кажется многим, прежде казалось и мне, а напротив, доказательство ее огромных адаптивных возможностей.

Но для конкретных стран, даже для всего «западного» мира это способно служить лишь слабым утешением. Судьба первопроходцев – не всегда самая счастливая. Снижение рождаемости, может быть и целительное для человечества, порождает множество проблем для нынешних европейских государств, в которых прекращается рост населения и начинается или вот-вот

начнется его сокращение. А для такой страны, как Россия – с ее громадными и необустроенными просторами, слабо развитой сетью городов, низкой плотностью населения, бесконечной протяженностью границ, огромным перенаселением в сопредельных странах – подобное развитие событий может и вовсе повести к катастрофическим последствиям. Разумеется, все это – не новые проблемы, они существовали всегда, и в этом смысле за XX век, несмотря на увеличение населения на территории Российской Федерации более чем в два раза, мало что изменилось. Сегодняшняя плотность населения России – 8,6 человек на квадратный километр (США – 29, Франции – 107, Германии – 235, Китая – 133, Японии – 335 и т.д.).

Но ведь сейчас население России не только не растет, с 1992 года оно сокращается, и к началу 2001 мы потеряли уже 3,5 миллиона человек. Конечно, пока эта убыль несопоставима с фантастическими потерями в демографических катастрофах первой половины XX века – для России они оцениваются в 50-60 миллионов человек. Именно тогда Россия лишилась значительного прироста населения, которым обычно сопровождаются ранние этапы демографического перехода, теперь же эти этапы остались позади, наверстать упущенное уже невозможно. Однако тогда периоды демографических потерь все же сменялись периодами роста, а теперь сокращение населения, скорее всего, примет затяжной, долговременный характер. Прогнозы неутешительны.

Что же делать?

Не хочется огорчать уважаемую аудиторию, но мне кажется, что исправить положение кардинальным образом сейчас едва ли возможно. Главная причина сокращения населения – его отрицательный естественный прирост. Он зависит от соотношения рождаемости и смертности, а соотношение это в России таково, что ее население не воспроизводит себя уже почти четыре десятилетия. Если естественный прирост все эти годы был положительным, то лишь благодаря потенциалу демографического роста, накопленному в возрастной структуре, а также деформациям российской возрастной пирамиды. Скажем, если естественной убыли населения России не было уже в начале 80-х годов, то только потому, что в стране было мало пожилых людей, родившихся между началом века и концом 20-х годов (примерно, 55 лет и старше), так как многие из них просто не дожили до этого времени.

Нет сомнения, что отрицательный естественный прирост – следствие низкой рождаемости. Большинство наших сограждан убеждено, что сегодняшняя

низкая рождаемость в России - следствие экономического и социального кризиса 90-х годов и что как только кризис кончится, рождаемость начнет повышаться. Боюсь, что для такого оптимизма нет оснований. Недавний опыт многих европейских стран с более высоким уровнем жизни и с большей политической стабильностью показывает, что стремительное - в течение одного десятилетия - снижение рождаемости такого же масштаба, как в России в 90-е годы может происходить и при отсутствии каких-либо кризисных явлений, даже в условиях экономического подъема. Сейчас рождаемость в России очень низка, но ее уровень мало отличается от уровня рождаемости в Германии или Италии, Испании или Японии, Австрии или Греции. Везде 1,2 – 1,3 рождений в среднем на одну женщину, при том, что только для простого замещения поколений нужно 2,1–2,3. Такие показатели не могут не вызывать тревогу.

Но значит ли это, что нынешние тенденции можно повернуть вспять, что рождаемость в России, так же как в других европейских странах, США или Японии начнет устойчиво повышаться? Такой поворот событий представляется мне маловероятным – и именно потому, что, как я это понимаю, низкая рождаемость во всех этих столь разных странах не есть ответ на конкретные события или обстоятельства в каждой из них, а представляет собой более сложную системную реакцию на исторически абсолютно новую глобальную демографическую ситуацию. А эта ситуация продержится еще очень долго.

Некоторое сокращение естественной убыли населения может дать снижение смертности, которая у нас неприлично высока. Это – отдельный вопрос, заслуживающий особого рассмотрения, здесь я скажу только, что у меня нет большого оптимизма и на этот счет. Пока я не вижу никаких сдвигов, которые вели бы к изменениям того «советского» неблагоприятного фона – социального, «здравоохраненческого» и прочего, - на котором сложилась мощная застойная тенденция все нарастающего и нарастающего отставания продолжительности жизни россиян от этого показателя в большинстве промышленно развитых стран. Но даже если бы эту тенденцию и удалось переломить – а это все же более реально, чем повернуть вспять тенденции рождаемости – при низкой рождаемости никакое снижение смертности не может обеспечить восстановление положительного естественного прироста населения. Отрицательный естественный прирост населения России – это надолго.

Столь грустный вывод мало кому может понравиться, и, думаю, не один читатель воспримет автора этих строк как некую Кассандру, чьим предсказаниям,

разумеется, не следует верить. Ну что же... Возможно, в этом Конференц-зале прозвучат голоса и тех, кто смотрит в будущее с большим оптимизмом и точно знает, что нужно сделать, чтобы вдвое повысить российскую рождаемость и тем решить демографические проблемы нашего отечества. Не буду в обиде на тех, кто поверит им больше, чем мне, и, конечно, лишь порадуюсь, если сбудутся их, а не мои предсказания.

Но, оставаясь в рамках своего анализа, не могу не повторить того, о чем уже говорил и писал неоднократно. Если что и может хотя бы частично компенсировать естественную убыль населения России в долговременной перспективе, так это значительный приток иммигрантов – сперва русских и русскоязычных из «ближнего зарубежья», а затем – представителей совсем иных культур, весьма далеких от русской.

Не породит ли такой приток чужеземцев – а речь идет о массовом притоке – новые проблемы? Безусловно породит, и очень серьезные. Но можно ли его избежать? Не думаю. На то есть, по крайней мере, две причины.

Об одной я только что сказал. Это потребности самой России, которая, в условиях убывающего населения, все больше и больше будет испытывать нехватку людей. Но есть и другая. Это – давление со стороны перенаселенных стран «Юга» планеты.

Когда мы сейчас рассуждаем о выгоде или невыгоде притока иммигрантов для России, о том, какой должна быть ее миграционная политика, как бороться с нелегальной миграцией и т. д., мы исходим из того, что все ключи находятся в наших руках: как российские власти решат, так и будет, спорить можно лишь о том, какое решение оптимально с точки зрения внутренних интересов России. Но пока мы совершенно не умеем учитывать фактор внешнего миграционного давления, которое несомненно будет быстро нарастать и контролировать которое будет с каждым годом сложнее. Такое давление может принять самые разные формы. России уже приходилось отбиваться от искателей «жизненного пространства» в XX веке, кто поручится, что таковые не возникнут снова в XXI – хотя и совсем с другой стороны? На фоне такого рода угроз рутинная экономическая иммиграция выглядит все же менее опасным решением.

Только готовы ли мы к нему? Сейчас, скорее всего, не готовы. Совсем недавно, в ноябре 2001 года, в ходе одного из опросов Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ), на вопрос: «Как вы относитесь к идее «Россия для русских?» 16 процентов опрошенных ответило, что ее давно пора

осуществить, и еще 42 процента сказало, что ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах⁶. Какая уж тут иммиграция!

Оставляя в стороне моральную или идеологическую оценку такой массовости сторонников идеи «Россия для русских», нельзя не задаться вопросом, в какой мере она определяется воспоминаниями о былом имперском величии, а в какой - учитывает современные мировые реалии и прагматические интересы России.

Место России в мире за последние сто лет сильно изменилось. Население Российской империи по переписи 1897 года составляло 129 млн. человек - примерно 8% тогдашнего мирового населения. Сейчас население России - 144 млн. человек, но это - всего 2,4% мирового населения, а к середине века эта доля может сократиться до 1-1,5 процента. Территория же России охватывает почти 13% мировой суши. Одним русским с этой территорией не совладать, а в трудный час - не оборонить. Да этого и не было никогда. Людские потоки, связанные с освоением Сибири, Дальнего Востока и т.д., всегда были этнически пестрыми - и все равно народу не хватало. И воевала, когда надо было, вся многоплеменная Россия.

Как мне уже приходилось писать, если в России появится новый Калита, он станет собирателем людей, а не территорий, - и тут уж придется не слишком придирается к цвету кожи или разрезу глаз. Главное - не поступиться фундаментальными социальными и культурными ценностями, выстраданными российским обществом в последние столетия, а обогатить их красками новых для России культур и цивилизаций, как это, впрочем, бывало и прежде. К этому новому и, как мне кажется, неизбежному этапу российской истории надо готовиться уже сейчас. Предстоит многое переломить в массовом, да и в элитарном сознании, уйти, наконец, от излюбленных наших утопических конструкций, от веры в чудо, трезво взглянуть в суровые глаза будущего и найти решения, может быть, и неожиданные, но необходимые.

---

⁶ Общественное мнение - 2001. М., ВЦИОМ, с. 153.